

Вредоносная магия в повести Анатоля Козлова «Незламная свечка»

С.Б. ЦЫБАКОВА

Проводится анализ вредоносной магии, народная вера в которую отображена в повести Анатоля Козлова «Незламная свечка». Рассматриваются мифологические представления, верования белорусов, связанные с образами персонажей произведения – носителями народной магической традиции. Выявляются виды отображенной в повести вредоносной магии, определяются ее социально-психологические основы, значение в авторском осмыслении зла.

Ключевые слова: вредоносная магия, порча, сглаз, картина мира, мифологические представления, народные верования, зло.

The work provides the analysis of the black magic, the national belief into which is reflected in the story «The Unbroken Candle» by Anatol Kozlov. The Belarusian people's mythological perceptions and beliefs connected with the images of the characters of the book that preserve and transmit folk magical traditions are considered. In the article, there are differentiated several types of witchcraft. Its social and psychological basis and its meaning in relation to the author's interpretation of the evil are determined.

Keywords: harmful magic, spoilage, evil eye, world views, mythological ideas, popular beliefs, evil.

Магичность как важнейшая особенность мифологического мышления отображена во многих произведениях Анатоля Козлова, одно из которых – повесть раннего периода творчества писателя «Незламная свечка» («Несломанная свечка»). Автор повести выразил мифологические представления, народные верования, определяемые магичностью, рассматриваемой в качестве «имманентной части мышления людей традиционной культуры» [1, с. 44]. С.Б. Адоньева отмечает: «Магическая практика до сегодняшнего дня неотделима от крестьянского быта и включена в ряд навыков, передающихся от поколения к поколению так же, как умение пахать, шить, обрывать скотину и т. д.» [2, с. 63]. Целью статьи является исследование отображенной Анатодем Козловым в повести вредоносной магии, ее значения в авторском осмыслении зла, а также рассмотрение мифологических представлений и верований белорусов, воплощенных в образах персонажей – носителей народной магической традиции, лежащей в основе художественной картины мира в произведении.

Трагические события, запечатленные в повести, происходят во второй половине 20 века в белорусской деревне, сохранившей традиции, связанные с архаическими пластами народной культуры. И, прежде всего, автор показал живучесть магии, которая, по мнению В.Д. Шинкаренко, объясняется тем, что «современная наука не может объяснить все то, с чем сталкивается человек» [3, с. 156]. «Во многом научное объяснение устройства мира либо очень сложно для восприятия, либо мало пригодно для реального использования в повседневной жизни, либо вообще отказывается признавать некоторые, казалось бы, очевидные факты, с которыми сталкивается практически любой человек, но не очевидные для науки», – считает В.Д. Шинкаренко [3, с. 156]. Анатолий Козлов, за которым утвердилось «реноме писателя-мистика» [4, с. 14], в одном из интервью заметил: «І часам пэўныя рэчы ў чалавечых паводзінах немагчыма нічым вытлумачыць. Толькі містыкай» [4, с. 14].

Магические действия и высказывания персонажей повести «Незламная свечка» являются важнейшими компонентами мифопоэтики произведения. Центральное место в деревенском хронотопе повести занимает вредоносная магия, к которой «относятся все символические действия, направленные на манипуляцию волей, здоровьем и поведением человека» [2, с. 110]. «Вера во вредоносную магию (порчу, сглаз, насылку, напускание вреда) занимала видное место среди суеверных представлений восточных славян, как и многих других народов», – отмечает С.А. Токарев [5, с. 134]. Данный вид магии и выступает в повести «как символическая проекция межличностных конфликтов» [2, с. 93]. С точки зрения тех, кто прибегает к вредоносным магическим действиям, данные действия, по словам С.Б. Адоньевой,

«направлены на то, чтобы восстановить справедливость» [2, с. 110]. Представители враждующих между собой родов обращаются к вредоносной магии, чтобы отомстить, поскольку верят в то, что смерть их близких является «наносной», т. е. наступившей вследствие насланной порчи. Вражда семей Смоляков и Борташевичей восходит к истории любовного соперничества их прапрадедов, окончившегося враждой и внезапной смертью бывших друзей. Согласно семейному преданию, Борташевичи с целью отомстить прапрадеду Смоляку нашли «чалавека» [6, с. 139], который и напустил на род Смоляков «порчу-проклятие» [6, с. 139]. Сергею Смоляку жители деревни, шишковцы, пророчат «смерць наносную» [6, с. 139], поскольку считают его виноватым в гибели Ивана Борташевича. В свою очередь, гибель Сергея Смоляка они также связывают с порчей-проклятием. «Сасвяжыўся сёння Смаляк. Наносным ветрам у лесе забіла. <...> елка прабіла галаву душагубцу нашага Івана...», – говорит старая Матруна Борташевич [6, с. 142]. Она же замечает: «Яшчэ ж ні разу так не сталася, каб пасля смерці ў Смалякоў у нас хто-небудзь ды не знябожыўся. А калі ў нас хаўтуры, то і яны чакаюць таго ж. І ўсё з сухавеем прыходзіць, з вадой ды агнём» [6, с. 143]. В магической (магиоцентрической) картине мира, созданной автором повести, жизни Смоляков и Борташевичей забирает «сіла мінулага» [6, с. 149]: «Не па боскай гэта волі» [6, с. 149]. Темная сверхъестественная сила, проникая в душу подростка Антона Смоляка, делая его своим орудием, сводит в могилу еще одного Борташевича.

Осмывая проблему зла, прежде всего с мистической точки зрения, Анатолий Козлов выявляет тем не менее социально-психологические основы магии, показывая силу передающейся из поколения в поколение магической традиции. Вера в порчу-проклятие разъединяет Смоляков и Борташевичей, усиливает у них отрицательные эмоциональные состояния и чувства: страх, ненависть, подозрительность, стремление отомстить. У Антона Смоляка возникает чувство обреченности рода Смоляков: «<...> я апошні парастак са Смалякоў» [6, с. 158]. «Как магия, так и религия возникают и функционируют в ситуациях эмоционального стресса, связанных с периодами жизненных кризисов, неудач в делах, смертью, посвящением в тайны племени, несчастной любовью, невымещенной ненавистью», – считает Б. Малиновский, один из крупнейших исследователей религии и магии [7, с. 376]. Вредоносная магия, которую нередко называют «черной», уходит своими корнями в область психологии, в деструктивные эмоциональные состояния и переживания. За Смоляками и Борташевичами в Шишковке закрепляется репутация людей опасных, с которыми следует соблюдать осторожность, избегая разногласия и ссор, иначе можно навлечь беду: «Лепш ужо быць лагаднейшым ды цішэйшым з імі, тады і вочы мякінай не зацярушыць, а наносны віхор тваю сям'ю абыдзе, у неба каго іншага падыме» [6, с. 140].

Писатель моделирует типичную для повседневной реальности негативную ситуацию: наведение соседями друг на друга порчи. «Под порчей понимается совокупность вредоносных магических действий и средств, используемых ведьмами, колдунами и другими “знающими” (строителями, печниками, цыганами и др.) для причинения ущерба здоровью, благополучию и благосостоянию человека, его семьи, скота, урожая, хозяйства в целом», – отмечает Е.Е. Левкиевская [8, с. 159]. Согласно деревенской молве, причиной смерти Ивана Борташевича является колдовская порча: «Людзі па вёсцы пагалоску пусцілі, што вы на Сяргея сілу чорную навялі, ад ваших рук ён знябожыўся. Да нейкага дзеда ў Хоцімск ездзілі, адтуль усё і пайшло» [6, с. 152–153]. Колдовская порча имется в виду и когда обсуждается поведение, ответная реакция жены погибшего Сергея Смоляка: «Галі падказалі страшнага, чорнага чалавека, да яго збіраецца яна ехаць... Чуе маё сэрца – будуць яшчэ слёзы ў Шышкаўцы» [6, с. 153].

В тексте повести упоминается о таком виде порчи, по определению И.П. Сахарова, как «чары на ветер», которые «составляют жестокую месть в оскорблении» [9, с. 84]. «Желая отомстить своему врагу, поселяне отправляются к чародею, рассказывают свою обиду, просят его почаровать на ветер», – пишет И.П. Сахаров [9, с. 84].

Жуткое впечатление производит описание автором повести покладов, под которыми имеются в виду «вредоносные предметы, подкладываемые на территорию жертвы» [8, с. 10]. Месть Антона Смоляка является с магической точки зрения, отображенной в произведении, результатом воздействия на душу человека мистической злой воли, силы порчи-проклятия.

Представление об еще одном виде порчи, заключающейся в передаче намеченной жертве «наговоренного», т. е. приобретенного вредоносное воздействие напитка, выражено в монологе отрицательного женского персонажа – крайне суеверной Надьки Борташевич, которая винит в гибели своего сына Смоляков. Женщина боится, что беда может прийти в ее дом от употребления наговоренного зелья: «Больш за ўсё баялася Надзька за Петрака. “Ён жа зусім неразумны, аблавушка. Падсуне яму старая Смалячыха Марфа ці сама Галя наговорнага зелья са стограмоўкай, і ляснеца чалавек, за дзень счарсцвее і ссохне. Петраку абы чарку паказалі, ён і гатовы. Слабы чалавек – не адмовіцца» [6, с. 153]. С.А. Токарев замечает, что «вредоносное заклинание называлось обычно, в отличие от лечебного, не “заговором”, а “наговором”» [5, с. 135].

С образом Надьки Борташевич, самого яркого из персонажей повести – носителей народной магической традиции, связано представление о сглазе как вредоносном магическом воздействии. Женщина верит в сглаз, который в отличие от порчи чаще всего представляет собой «непреднамеренное, спонтанно возникающее воздействие, за которое его носитель не несет ответственности, так как оно не зависит от его воли и намерений» [10, с. 21]. С позиций науки сглаз – один из наиболее распространенных видов суеверия, который, следует заметить, и, согласно христианскому учению, рассматривается как грех, зло, духовная болезнь, явление, несовместимое с верой в Бога. В произведении отражено представление о такой разновидности сглаза, как «воздействие взглядом» [10, с. 27], широко известную также под названием «дурной глаз». Данное суеверие восходит к древним представлениям о сверхъестественной силе взгляда, о мистических способностях глаз. Чтобы обезопасить себя, свою семью, имущество от дурного глаза Борташевичиха в качестве оберега использует крапиву: «Над кожнымі дзвярыма, куды б яны ні вялі: няхай то сенцы ці хата, дрывотня або хлеў – віселі пукі мінулагадняй высушанай крапівы-жыгучкі. Усё гэта ад дрэннага вока і благіх людзей. Кожны год Надзька Барташэвіч апошняя ноччу, пад самую раніцу перад Купаллем, збірала, ірвала на прылесках крапіву-жыгучку і, здымаючы папярэдную, вешала новыя расяныя пукі» [6, с. 140]. Крапиву среди растений, выполняющих функцию оберега домашнего пространства, выделяют исследователи белорусской мифологии У. Васілевіч і Э. Зайкоўскі [11, с. 15]. Белорусы считали крапиву одним из средств против нечистой силы [11, с. 15–16].

Описание применения крапивы как оберега домашнего пространства от дурного глаза – значимый элемент художественной картины мира в повести Анатолия Козлова, деталь, выполняющая не только изобразительную функцию, но и характеризующая психологию, характер Борташевичихи, доминантными чертами которых являются скрытность, недоверие к людям, двуличие и мстительность. Характер хозяйки проявляется в ее стремлении максимально оградить свое пространство от внешнего мира, сделать его недоступным для чужих глаз: «Увоголе, падворак Барташэвічаў быў агароджаны з усіх бакоў, як панскае памесце: каб ні людское вока, ні лясная паўзучая гадаўка не патрапілі на яго, не ўцікавалі-ўгледзелі, што робіцца, што дзеецца тамака» [6, с. 139]. Приходя в дом Смоляков, Надька говорит соседкам о любви и дружбе между двумя родами, но ее лицемерие подчеркивается автором с помощью описания скрытого от глаз матери и вдовы покойного, оскорбительного для них жеста неожиданной гостьи: «(Надзька правую руку не вымала з кішэні і моцна сіцснула пяцярню ў кукіш)» [6, с. 155]. Кукиш «повсеместно используется в охранительной практике восточных и западных славян для отвращения сглаза, порчи и шире – для отгона опасности» [8, с. 85]. Он также является «неприличным жестом (символизирующим коитус и гениталии – знаки Рода, предков), имеющим целью оскорбить и унижить обидчика, выразить крайнее неприятие, резкий отказ, презрение» [12, с. 316].

Главными причинами обращения Борташевичихи к магии являются чувство ненависти к Смолякам, желание отомстить им, а также стремление обезопасить себя и свою семью от угрожающей, по ее убеждению, смертельной опасности со стороны соседней-врагов. Сыну Костику, который проявляет сочувствие к семье покойного Смоляка, считая, что материнская вера в порчу-проклятие – это «дурнаватыя забабоны» [6, с. 145], Надька отвечает: «Добрага чалавека можна і пашкадаваць, а смаляцкі род крыві нашай перапіў пад завязку»

[6, с. 145]. В повести описываются сопровождаемые заговором магические действия, которые в тайне от всех совершает Борташевичиха: «“Ну вось і гатова. Цяпер толькі ўзяць зеля, прывезенага ад дзеда з Ходасаў, і, пасыпаўшы ім крыж, пакласці яго дагары на труну, чырк-нуць запалкай і...”<...>».

– Як баіцца курыца каршука, а мыш лісіцы, як збягае заяц ад ваўка, а соль ад вадзіцы – так няхай баяцца і збягаюць нашай хаты гора і бяда, слёзы і нуда. Як сыходзіць дымам труна на загнецце, як не бачыць гэтага ні мужык, ні дзеці – так няхай ніколі па чужацкай волі ні агні сухія, ні вятры ліхія, ні вада горкая наш род не чапае» [6, с. 144–145].

Вера в ворожбу, в могущество словесных чар, знание заговоров показаны Анатодем Козловым как устойчивые черты, характеризующие мышление, психологию женщины традиционной культуры. Своему сыну, обнаружившему в печи жменьку пепла на перевернутом кресте, Надька, отводя от себя подозрение, говорит: «Відаць, тут баба Матруна варажыла, калі мяне ў хаце не было. Ты ж сам ведаеш – яна любіць такія штучкі» [6, с. 146].

Чувства, которые постоянно испытывает Борташевичиха, – страх и ненависть. В повести показано ее безжалостное отношение к сторожевому цепному псу, которого Надька в ярости забивает насмерть. Поведение животного приводит суеверных Борташевичей в ужас: «Сабака ж, мінуўшы Петрака, пацягнуўся да варот. Спыніўся, азірнуўся на гаспадароў, затым расставіў заднія худыя ногі і, угнуўшы галаву да зямлі, завывў. Натужна і доўга. Надзька, Пятрок і Матруна скалануліся, але з месца не зрушыліся. Сабака ж пярэдняя лапай шкрабануў снежнае месца і зайшоўся такім вышцём, якое наўрад ці даводзілася чуць дасюль хоць аднаму чалавеку.

Борташэвічы перазірнуліся. На тварах ува ўсіх застыў незразумелы жаж» [6, с. 142]. По мифологическим представлениям белорусов, собака (пес) обладает способностью предвидеть судьбу, предсказывать будущее [13, с. 421]. Если пес выл, опустив голову, это предвещало чью-либо смерть [13, с. 421].

В образе Борташевичихи воплощены народные верования в тайное ведовство, чародейство, в заключение союза с нечистой силой. Один из внутренних монологов одержимой желанием отомстить женщины включает в себя клятвopodobный магический текст, содержащий образы, персонафицирующие демонические силы и выражающий чувство преклонения перед ними: «“Хітрасць лісіцы, сіла ваўка, моц навалніцы, злаба перуна ў костках, суставах, у сэрцы маім. Покуль жыць буду – служу я дваім. Першы мой служка ў багне лясной, ну а другі – пад зямлёю ўсёй”».

Я паўтарала гэтыя словы да стомы, покуль не знік нябесны крываваы след над галавою, а сабака не ўшчуклі, не змоўклі. І пасвятлела ў маіх вачах...» [6, с. 141].

В авторском осмыслении зло предстает в виде смертоносной и невидимой сверхъестественной силы, притягивающей темные стороны человеческой души. Злая воля овладевает душами Надьки Борташевич и Антона Смоляка, замыкая их в роковом магическом круге вражды-мести и обрекая на вымирание рода. Одна из главных идей произведения заключается в неодолимости силы зла, в неспособности человека простить обиду и отказаться от мести. Название повести имеет символический смысл. Громничная свечка или громница, т. е. освященная в церкви в праздник Сретения свечка, которой придавалось особое сакральное значение, остается непорочной. Борташевичиха, испугавшись предложения старой Марфы Смоляк переломить перед иконой вдвоем сретенскую свечку (громницу) в знак подтверждения чистоты души, не отягощенной грехом магического вреда, уходит: «Свечка ў руках Марфы засталася незламанай...» [6, с. 156]. Символика непорочной громничной свечки приобретает в повести двойственный характер. Сретенская свеча, которая обладает согласно народным верованиям противобесовской силой, выступает в качестве оберега, символизируя также духовный свет, надежду на высшую божественную справедливость. Однако в ситуации, изображенной в повести, несломанная свечка означает невозможность прекращения вражды и примирения.

Подводя основные итоги, отметим, что вредоносная магия как один из видов магии и составная часть народно-демонологической традиции в культуре славян, и, в частности белорусов, лежит в основе художественной картины мира в повести Анатолия Козлова «Незламная свечка». Писатель показал неискоренимость в народной среде веры в сглаз и порчу, в магическую силу слова. В изображенной им вражде двух родов раскрываются социально-

психологические основы вредоносной магии. Образ сретенской свечки, символизируя высшую божественную справедливость, милосердие, христианское прощение обиды, является периферийным аксиологическим компонентом магической (магиоцентрической) картины мира, где человек, обращающийся к магии с целью восстановления с его точки зрения справедливости, становится орудием злой сверхъестественной воли, подчиняющей себе темные силы души.

Литература

1. Углик, И.Г. Основы мифологии: курс лекций: в 2 ч. / И.Г. Углик. – Мн. : РИВШ, 2008. – Ч. 1. – 124 с.
2. Адоньева, С.Б. Прагматика фольклора / С.Б. Адоньева. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. – 312 с.
3. Шинкаренко, В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства : Игра, ритуал, магия / В.Д. Шинкаренко. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 232 с.
4. Пісьменнік Анатоля Казлоў: «Трэба давяраць свайму герою...». Гутарыў Мікола Чэмер // Настаўніцкая газета. – 2009. – 24 студзеня. – С. 14.
5. Токарев, С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века / С.А. Токарев / отв. ред. С.И. Ковалев. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 168 с.
6. Казлоў, А. Незламная свечка / А. Казлоў // Горад у нябёсах: аповесці, апавяданні. – Мінск : Літаратура і Искусство, 2009. – С. 118–161.
7. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология ; пер. с англ., нем., фр. / Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М. : Канон+, 1998. – С. 360–379.
8. Левкиевская, Е.Е. Порча / Е.Е. Левкиевская // Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века ; Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. – Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний. – С. 159–241.
9. Сахаров, И.П. Русское народное чернокнижие / И.П. Сахаров // Русское кудесничество и чародейство. – М. : Эксмо, 2008. – С. 11–153.
10. Левкиевская, Е.Е. Сглаз / Е.Е. Левкиевская // Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века ; Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. – Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний. – С. 21–158.
11. Васілевіч, У. Абярэгі / У. Васілевіч, Э. Зайкоўскі // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мн. : Беларусь, 2011. – С. 15–16.
12. Баженова, А.И. Легенды и боги древних славян / А.И. Баженова. – М. : Алгоритм, 2013. – 576 с.
13. Валодзіна, Т. Сабака / Т. Валодзіна, Ю. Драздоў // Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мн. : Беларусь, 2011. – С. 421–422.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 01.09.2017